

РАЙАН ГРОДИН

РАЙАН ГРОДИН

ВОЛК
ЗА ВОЛКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(4Coe)-44
Г86

Ryan Graudin
WOLF BY WOLF

Печатается с разрешения издательства Little,
Brown and Company, New York, USA.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.
All rights reserved.

Дизайн обложки *Виктории Лебедевой*

Гродин, Райан.

Г86 Волк за волка: [роман] / Райан Гродин; пер. с англ. —
Москва : Издательство АСТ, 2018. — 416 с. — (Волк за волка).

ISBN 978-5-17-109681-6

1956 год. Победу во второй мировой войне одержали страны «оси» и миром управляют правительства Третьего Рейха и Императорской Японии. Ежегодно они устраивают соревнование: гонку на мотоциклах от Берлина до Токио. Победитель получает приглашение на бал, на котором неизменно присутствует Адольф Гитлер.

Именно возможность встретиться с фюрером и убить его интересует еврейку Яэль, бывшую узницу концлагеря, а ныне — участницу Сопротивления. Благодаря приобретенной в ходе фашистских экспериментов способности принимать облик любой девушки, Яэль выдает себя за Адель Вольф — победительницу прошлогодней гонки. И лишь на старте оказалось, что в гонке решил принять участие и брат-близнец Адель Феликс Вольф, а одним из главных конкурентов стал Лука Лева, с которым Адель в прошлом явно что-то связывало. Задача Яэль усложнилась: важно не только победить в гонке, но и сохранить свою тайну.

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(4Coe)-44

ISBN 978-5-17-109681-6

© 2015 by Ryan Graudin
© ООО «Издательство АСТ», 2018

**ДЭВИДУ, ЗА ТО, ЧТО ВСЕГДА ПОДДЕРЖИВАЛ
МЕНЯ И РАЗДЕЛИЛ СО МНОЙ САМЫЕ ВАЖНЫЕ
ПУТЕШЕСТВИЯ**

**ПРЕД КРАСНОЙ УГРОЗОЮ СТЫНЕТ
ГНИЛОЙ ОБЕЗУМЕВШИЙ МИР.¹**

— ИЗ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПЕСНИ ГИТЛЕРЮГЕНД

¹ Пер. Е. Боболовича

Давным-давно в альтернативной реальности,
в королевстве смети жила-была девушка.
Волки выли на ее руке. Все — из чернил для
татуировок и боли, воспоминаний и потерь.
Это было единственным, что оставалось
в ней неизменным.

Ее история начинается в поезде.

ГЛАВА 1

ТОГДА

ЧИСЛА
ОСЕНЬ 1944 ГОДА

В вагоны — толстые и глубокие как для скота — набились пять тысяч душ. Поезд застонал и согнулся под их тяжестью, уставший от всех своих многочисленных поездок. (Пять тысяч раз по пять тысяч. Снова и снова. Так много, так много).

Нет места, чтобы присесть, нет воздуха, чтобы дышать, нет еды, чтобы съесть. Яэль оперлась на мать и незнакомцев, пока не заболели колени (и еще долго, долго после). Она задыхалась от запаха отходов и сделала несколько глотков кристально-холодной воды из ведра, которые протолкнули через дверь кричащие охранники. Гораздо ниже рельсов медленный, дрожащий стон снова и снова шептал ее имя: *Яэль, Яэль, Яэль*.

— Тебе больше не придется стоять. Мы почти на месте, — говорила мать Яэль, приглаживая волосы дочери.

Но «почти на месте» затягивалось. Один день превратился в два, три. Бесконечные часы покачивающихся километров и пластины солнечного света, что как ножи прорезались сквозь дрянные доски вагона и по серым лицам пассажиров. Яэль прижалась к шелковой юбке матери и пыталась не слушать плач. Рыдания были такими громки, что ее имя почти тонуло в них. Но независимо от того, какой громкой была печаль, она по-прежнему могла слышать шепот. *Я-эль, Я-эль, Я-эль.* Постоянный, устойчивый, непрерывный. Тайный для всех.

Три дня этого.

Я-эль, я-эль, я – визг!

Остановите.

Ничего.

И тогда двери открылись.

— Вылезайте! Быстро! — человек, лысый, тонкий, одетый в похожую на пижаму одежду — кричал и продолжал кричать. Даже после того, как они начали вываливаться из вагона поезда. Он кричал и кричал так, что заставлял Яэль в страхе прижиматься к матери мать. — Быстрее! Поторапливайтесь!»

Вокруг была лишь тьмы и блики. Ночь и прожекторы. Холодный воздух заострили крики охранников, рычащие собаки и шелкающие кнуты.

— Мужчины в одну сторону! Женщины — в другую!»

Толчок, толчок, давка, толчок, крики. Было море шерсти и толкотня. Все казались потерянными. Двигались и толкались, и плакали, и не знали. Пальцы Яэль сжали край пальто ее матери, так крепко, будто сами превратились в швы.

– **ПОТОРАПЛИВАЙТЕСЬ БЫСТРЕЕ ДВИГАЙТЕСЬ** – железный голос внутри Яэль сражался, и толкался, и кричал – **НЕ РАСТЕКАЕМСЯ...**

Они все двигались в одном направлении. Прочь от кнута и собачьих клыков. К человеку, который стоял на перевернутом ящике из-под яблок и выглядывал что-то в темной топчущейся на платформе толпе. Его заливал свет прожектора. Чистая белая ткань его лабораторного халата сверкала, а руки были широко раскинуты, как крылья.

Он был похож на ангела.

Он измерял и оценивал каждое проходящее лицо. Мужские и женские. Молодые и старые. Человек в сверкающем лабораторном халате перебирал, отсеивал и расставлял их в ряды.

«Слишком мал! Слишком болен! Слишком слаб! Слишком низок! Слишком стар!» Он пролаивал их характеристики как ингредиенты для некоего мудреного рецепта, отмечая виновных в них взмахом руки. Те, кого он одобрил, получили кивок принятия.

Увидев Яэль, он ни залаял, ни кивнул. Сперва он покосился – по-змеиному острые глаза за стеклами очков.

Яэль прищурилась в ответ. И в ее глазах была резкость, обостренная тремя днями страха и слишком ярких фонарей. Ее колени болели и дрожали, но она изо всех сил пыталась стоять прямо. Она не хотела быть слишком маленькой, слишком слабой, слишком низкорослой.

Человек спустился с ящика и направился к матери Яэль, которая передвинулась прямо напротив дочери, как бы желая заслонить ее. Но от взгляда этого чело-

века было не укрыться. Он все увидел, глядя на Яэль и ее мать, как если бы они были костюмами, нуждающимися в починке. Измеряя глазами, представляя, что могли бы сделать несколько стежков и сборок.

Яэль уставилась в ответ, производя собственные измерения. Вблизи мужчина выглядел иначе. За пределами света, с отпечатанными тенями (на нем они казались очень темными, как бы возмещая то первое сверкающее впечатление). И пахло от него по-другому. Не чистотой, нет. Резкие, очищающие ароматы, которые позже Яэль научилась ассоциировать с отбеливателем, и кровью, и неосторожными скальпелями.

Этот человек не торговал благими вестями, или благословениями, или чудесами.

Он был ангелом другого рода.

Колени Яэль болели, болели, болели. Глаза жгло от слез. Она продолжала стоять. Продолжала смотреть. Сжимая юбку матери непослушными пальцами.

Человек в белом халате взглянул на охранника рядом с собой, который был занят написанием заметок на планшет.

— Оставьте эту девочку для «Эксперимента 85». Он долгосрочный, поэтому она должна быть размещена в казармах заключенных. И проследите, чтобы ее волосы были подстрижены. Не сбриты. Мне понадобятся пряди для образцов.

— Да, доктор Гайер, — охранник схватил Яэль за руку, оцарапал ее кожу двумя быстрыми движениями своей ручки. Отметка X обозначала выжившего. — А что с ее матерью?

Человек пожал плечами. «Она кажется достаточно сильной», — все, что он сказал, прежде чем вер-

нулся к ящику, к свету, который делал его ослепительным и сияющим.

Яэль так никогда и не узнала, почему доктор Гайер выбрал ее. Почему ее — из всех маленьких детей, которые в ту ночь вывалились из вагонов и прильнули к пальто своих матерей — распределили в линию живых.

Но пройдет совсем немного времени и она поймет, для чего ее выделили.

Это был «Эксперимент 85»: каждое утро, после четырехчасовой поверки охранник выкрикивал номер Яэль. Каждое утро она должна была следовать за ним сквозь двое ворот с колючей проволокой и через железнодорожные пути, напрямик в кабинет врача.

Перед уколом медсестра всегда привязала Яэль к каталке. Она никогда по-настоящему не смотрела на Яэль, даже когда переворачивала руку девочки, чтобы проверить отпечатанные номера. Эти водянистые глаза всегда фокусировались на неодушевленном: пятна крови, невысохшие на плитках пола или забрызгавшие ее прежде белый фартук. Блестящая черная кожа ее туфель. Планшет, в который она вносила информацию о Яэль.

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ: 121358.X

ВОЗРАСТ: 6 ЛЕТ

ЭКСПЕРИМЕНТ: №85 ПРИМЕНЕНИЕ МЕЛАНИНА

СЕАНС: 38